

ТЕЗАУРУСНЫЙ ПОДХОД В ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

DOI: 10.17805/zpu.2019.2.16

Применимость тезаурусного подхода в философии и социологии культуры, культурологии и в других социальных и гуманитарных науках

В. А. ЛУКОВ

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Статья подготовлена на основе доклада автора на общероссийской (национальной) конференции «III Академические чтения памяти Вл. А. Лукова “Тезаурусы и проблемы культуры”» (апрель 2019 г.). Показаны направления применения тезаурусного подхода в современном гуманитарном знании, основанные на первоэлементах тезаурусов, которые составляют концепты «свой», «чужой», «чуждый», и на культурных картинах мира. В этом аспекте тезаурусы выступают как феномены культуры.

Культурная роль тезаурусов оказывается в тесной связи с ежедневной практикой коммуникации и деятельности огромного числа социальных субъектов разного уровня и интеллектуального потенциала, многие из которых имеют самое примитивное представление об истинном и ложном, но такое, которое им достаточно для успешной ориентации в действительности. С учетом этого и строится тезаурусная теория в версии Вл. А. Лукова. Первоэлементы тезауруса «свой», «чужой», «чуждый» выступают как социокультурные границы, наиболее общие для людей, народов разных стран культурные разделители, причем независимые от пространственно-временных реалий.

Утверждается, что тезаурус может быть переведен в формальные показатели при ясности целей исследования, для чего проведена аналогия со шкалой Л. Тёрстоуна.

Тезаурусный подход в версии Вл. А. Лукова перерос свой источник и применяется сегодня как общенаучная методология, поскольку новые технологии информации и коммуникации, другие изменения реальности изменили и культурные коды, поддерживавшиеся веками, потребовали новых объяснений и нового понимания Происходящего. Тезаурусный подход не усложнил это понимание, а — подобно «бритве Оккама» — упростил его, что определяет перспективы расширения практик применения тезаурусного подхода в философии и социологии культуры, культурологии и других социальных и гуманитарных науках.

Ключевые слова: тезаурус; тезаурусный подход; философия культуры; социология культуры; культурология; субъектная культурология; Вл. А. Луков

ВВЕДЕНИЕ

4 апреля 2019 г. в Московском гуманитарном университете прошли III Академические чтения памяти видного российского филолога и культуролога Владимира Андреевича Лукова (1948–2014). Они приурочены к пятилетию его смерти. Первые чтения прошли в 2015 г. и были посвящены теме «Мировая культура в русском тезауру-

се» (Мировая культура ... , 2015). Вторые прошли в 2017 г., их тема была обозначена как «Тезаурусы и тезаурусная сфера» (Тезаурусы ... , 2017). Третьи чтения, которые уже проходят в режиме общероссийской (национальной) конференции, тематически очень широки — «Тезаурусы и проблемы культуры». Кажется, что такая широкая трактовка ни к чему не обязывает, поскольку под культуру можно подвести любую деятельность человека, отличающуюся от той, которая предопределена природными событиями — катастрофами ввиду атаки Земли астероидами, всемирным потоком из-за потепления климата, неожиданным перемещением магнитного полюса и т. д., — в общем, несется жизненным потоком, к которому человек искусственными средствами не успел, да и не может приспособиться, оставаясь в этом случае просто одним из животных, представителем биосферы. Но, как это звучит в одной новелле Франца Кафки: «Но, поди ж ты, и это только кажется».

В действительности культура к первой четверти XXI в. уже оторвалась от того, что создано человеком в адаптационных или творческих целях, и этим отличается от природного. Когда на улицах Японии встречается предупреждение «Осторожно, здесь дорогу переходят роботы», то это природное или искусственное? Роботы такого класса — это создание человека или уже иной объект действительности, который надо отличать от культурных феноменов или, напротив, причислять к ним, расширяя понятие культуры?

Другая проблема культуры состоит в том, что же считать мировой культурой. В XVIII в. она имела свою территорию, ограниченную прежде всего Европой, да и не всей, а только ее определенной частью, в XIX в. территория расширилась, в XX в. она уже включала ряд восточных стран, но все же многие народы и страны так и оставались на уровне антропологических изысканий и в полном смысле не входили в мировую культуру.

В XXI в. такая позиция принципиально не изменилась, но уже ясно, что впереди какое-то новое представление о мировой культуре, которое соответствует информационному обществу, сетевому обществу, цифровому обществу и т. д., когда пространство и время уже не воспринимаются в старом виде практически нигде, они, что называется, исчезают. А это ведет и к изменениям наук о культуре, культурологии, философии культуры, социологии культуры. Они не только в частности, но и в своих принципиальных позициях должны меняться вслед за изменениями реальности, а теперь уже и виртуальности, которая становится неотличимой от того, что всегда считалось реальностью. Теория социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана (Бергер, Лукман, 1995), еще недавно считавшаяся новым поворотом в философии и социологии культуры, открытием в области социологии знания, уже нуждается в существенной доработке, а то и переработке в силу появившихся в последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. свершений человека, которые не только оторвались от него и живут своей жизнью, но и все больше становятся чем-то, к чему естественный человек (своего рода Простодушный Вольтера) должен приспособиваться, иначе не выживет.

В этом ключе и следует внимательнее отнестись к применимости тезаурусного подхода в версии Вл. А. Лукова для изучения феноменов современной культуры.

ТЕЗАУРУСЫ КАК КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Прежде чем понять культурную роль тезаурусов, обратимся к категории «прояснение», которой основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль придавал методологи-

ческое значение применительно ко всем наукам. Метод прояснения (*die Methode der Klärung*), которому в третьей части книги «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» автор посвятил главу (Husserl, 1952: 93–105), с неизменностью предполагает, что ясность фиксируется в понятиях, и если этого достигнуть нельзя, то весь феноменологический проект ложен. Гуссерль считал феноменологию эйдетической наукой (т. е. наукой о сущностях в противовес наукам о внешних фактах), потому придавал большое значение в ней фантазированию, что противоречит построению науки как системы понятий. Он считал, что близко находящиеся к воспринимаемому сущности понятнее и прозрачнее тех, что находятся на периферии его сознания. Это важное указание замечено, но не вполне сопоставлено с тем, что Гуссерль строит философию познания вслед за Декартом, хоть и отталкиваясь от его выводов относительно ясности понятий. В этом ракурсе феноменология А. Шюца и его последователей (в том числе П. Бергера и Т. Лукмана) лишь по видимости, отчасти по источникам близка трактовкам феноменологии Гуссерля, они гораздо ближе к восприятию картин мира людьми через их повседневность, чем это предполагается методом прояснения Гуссерля. В анализе этого метода достигнуты неплохие успехи в понимании того, как прояснять сущность феноменов и что значит ясность феноменов (Терентьева, 2018), но не поставлен вопрос о том, кто проясняет эту сущность.

Культурная роль тезаурусов как раз и позволяет увидеть, что прояснение не должно быть доступно только философам, оно оказывается в тесной связи с ежедневной практикой коммуникации и деятельности огромного числа социальных субъектов разного уровня (от отдельного «простого» человека до нации, страны, человечества — всех участников социальной и культурной субъектности) и интеллектуального потенциала, многие из которых не только не слышали ничего о гуссерлианской версии феноменологии, но и не задумывались о различии сущности и явления, имеют самое примитивное представление об истинном и ложном, но такое, которое им достаточно для успешной ориентации в действительности. С учетом этого и строится тезаурусная теория.

Надо учесть также и то, что трактовка тезаурусов в версии Вл. А. Лукова заметно отличается от понимания тезаурусов в лингвистике, где оно связывается с особым типом словарей, характеризующихся особой полнотой представленной в них лексики. В субъектной культурологии Вл. А. Лукова тезаурус тоже обозначается как полный систематизированный свод знаний, но это полнота иного рода: она есть свод «освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде» (Луков, 2018: 338–339). Следовательно, в этом понятии полнота имеет смысл именно как характеристика того объема знаний, которые освоены субъектом, и такого объема — велик он или мал — оказывается вполне достаточно, чтобы ориентироваться в окружающей среде. Сюда добавлены знания, существенные как сверхориентационные: «...сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни» (там же: 339).

В этой связи в тезаурусном подходе подчеркивается: «Назначение понятия “тезаурус” в понятийной системе гуманитарных наук выявляется тогда, когда необходимо отразить полноту некоторого знания (информации), существенного для некоего субъекта по какому-либо основанию. Здесь сочетаются две важнейшие характерис-

тики понятия: первая оставляет в тени, на периферии мыслительного акта измеряемые признаки информации (объем, мера) и обозначает лишь то, что информация полна, т. е. по каким-то соображениям признана достаточной для каких-то целей. Полнота, таким образом, является здесь не количественной, а качественной характеристикой. В частных науках тезаурус может, разумеется, измеряться по определенным показателям (например, в информатике). Однако обобщенное понимание тезауруса предполагает, что не имеет значения, какими способами измеряется полнота знания, освоенного субъектом, важно лишь то, что ее наличие составляет атрибут тезауруса» (там же).

Гуссерлианская феноменология, основанная на проясненности понятий, без чего они не могут и не должны применяться в науках, выражает в этом случае линию на однозначность понятий как итог такого прояснения, тезаурусный же подход стремится к адекватному отражению многозначных по своей природе феноменов, а значит, он ищет не однозначность, а многозначность, которая и отражается все более определенно в доминирующих в современной культуре картинах мира. Это привело к изменению иерархического строя знаний, где вершинами семантических ступенек становятся концепты (как слияния понятий, их эмоционального сопровождения и ценностного значения), которые притягивают к себе соответствующие понятия, но уже на уровнях, где многозначность концептов выступает как помеха, а однозначность притягиваемых понятий — как их очевидное достоинство.

Первоэлементы тезауруса «свой», чужой», «чуждый» в наиболее общей форме выступают как социокультурные границы, наиболее общие для людей, народов разных стран культурные разделители, причем независимые от пространственно-временных реалий. Показательны сопоставления давних таких разделений и новейших, относящихся, с одной стороны, к другим культурам, с другой — к информационному типу общества, где не действует традиционное разделение по странам и континентам.

Из далекого прошлого интересно разделение культур у Ш. Л. Монтескье в «Персидских письмах» (1721). Некий персидский дворянин Узбек на долгие восемь лет покидает свою страну в сопровождении своего друга Рики, свой гарем из пяти жен. Он путешествует по Франции и ведет переписку с друзьями, где с наивностью и отстраненностью «чужака» — носителя иной культуры описывает политику, систему права, светскую жизнь, моды в одежде, нравы французов. Западная цивилизация глазами Узбека увидена в сатирическом аспекте, это, по сути, способ критики окружающих Монтескье реалий, как бы скрытых культурным релятивизмом. Французские исследователи показывают, что автор внимательно изучал Персию того времени (Schneider, 2000; Goldzink, 2001; Stewart, 2013), в частности, одним из основных его источников были десятитомные «Путешествия в Персию» Жана Шардена (все тома этого издания Монтескье приобрел в 1720 г.). Но в действительности это работы, также являющие культурный релятивизм только с другой стороны: взгляд образованных французов на «дикий» Восток. Кроме того, это стремление показать азиатский деспотизм как противоположность свободы человека на Западе, и такая фикция была общепринятой во французском тезаурусе XVIII в. (Grosrichard, 1979). Характерно, что в современных работах о «Персидских письмах» отмечается, что читать их надо на перепутье философии и фантастики, экономики страстей и морального мышления, сатиры и политической речи, не останавливаясь на чем-то одном, а принимая во внимание игру обобщенных метафор, которая включает в себя взгляд на Восток и За-

пад (Martin, 2013). На этом, кстати, основывалась и волна подражаний «Персидским письмам» во времена Монтескье — «Турецкие письма» Пуллена де Сен-Фуа, «Письма дикаря, брошенного на чужбину» Жубера де Ла Рю, «Китайские письма» маркиза д'Аржана и др.

Но и само обращение Монтескье к восточному колориту не было случайным для Европы XVIII в. После того как появился французский — первый из европейских — перевод сборника сказок «Тысяча и одна ночь», сделанный Антуаном Галланом (первый том из 12 томов издания этих сказок вышел в 1704 г., два последних — в 1717 г., т. е. за три года до публикации «Персидских писем», переводы с этого издания еще в XVIII в. появились на немецком, итальянском, голландском, русском языках), по многим странам Европы прокатился своего рода бум ориенталистики, который охватил не только сферу искусства («Западно-восточный диван» Гёте, «Похищение из Сераля» Моцарта, картины Делакруа с гаремами и т. д.), но и сферу повседневности аристократии (строительство особняков в мавританском стиле, интерьеры салонов с восточными коврами и подушками и т. д.). Это именно условный стиль, очень далекий от реалий Востока того времени и отражавший в тезаурусах то, что хотелось видеть «просвещенным» европейцам, не имевшим прямых контактов со странами Востока и не знавшим восточных языков.

Другое время для сопоставлений тезаурусов и другие страны отражены в публикациях Запада последних лет, в том числе и с новыми реалиями информационного общества, совершенно, казалось бы, не связанными ни с Монтескье, ни с европейской ориенталистикой XVIII в., ни с культурными изменениями, принесенными цифровой экономикой. Вот статья из американского военного университета, где ее автор Л. Малони учится в докторантуре по программе стратегической разведки. Малони констатирует, что угроза кибервойны вызывает растущий страх среди всех разведывательных сообществ, и сообщает, что еще в июне 2009 г. было создано Киберкомандование США, а в июле 2011 г. заместитель министра обороны Уильям Линн III объявил, что в соответствии с доктриной киберпространство будет рассматриваться как оперативная область, подобная земле, воздуху, морю и космосу. Кибервойна ведется путем проникновения в компьютерные сети страны с целью нанесения ущерба и/или разрушения различных инфраструктур. Это потенциальная угроза, которая затрагивает каждую страну по всему миру (Maloney, 2019: Электронный ресурс).

Подобный взгляд выражен в статье Р. Лиер «Политическая экономия киберпреступности и безопасность» (Lyer, 2019: Электронный ресурс) и во многих других статьях о киберугрозах.

На фоне этой обобщенной констатации все более определенно проглядывает образ противостояния США, с одной стороны, Китая и России — с другой, которое выдержано совершенно в духе представлений о неизменно деспотическом Востоке у европейских народов (точнее — определенных сословий так называемых цивилизованных стран) XVIII в.

Та же картина мира обнаруживается в статье Томаса Вуйтовича и Дариуша Круля о новейшей доктрине Вооруженных сил США, какую составляет концепция многодоменной битвы (Wójtowicz, Król, 2018). Эта доктрина почти готова к принятию в США, и авторы ставят вопрос о готовности польской армии к проведению военных операций на основе доктрины МБР совместно с армией США, возможностей Польши по ограничению доступа / отказу в зоне А2АД (англ. anti-access and area denial — ограничение и воспрепятствование доступа и маневра) и роли военных технологий в доктри-

не МБР. Их исходный тезис — растущая мощь Китая и агрессивная внешняя политика России.

В совсем иных обстоятельствах мы видим ту же картину мира, которая разделяет «своих», «чужих» и «чуждых» — первоэлементов тезауруса. Триста лет и смена пространственных характеристик, а также и самой тематики дискурса в аспекте тезауруса как ориентационного средства субъекта не привели к изменениям, что и нужно видеть в тезаурусе как культурном феномене.

ПЕРВОЭЛЕМЕНТЫ ТЕЗАУРУСА И ШКАЛА ТЁРСТОУНА

Культурные феномены подобны жизненному потоку, каким его видел Г. Зиммель: они непрестанно меняются в каждой из точек своего существования и обладают целостностью и связанностью именно в общем потоке. Этим и определяется константность культуры, которая как бы приостанавливает, замедляет этот стремительный поток.

Монтескье с его «Персидскими письмами», с одной стороны, и кибервойны — с другой, ничто не объединяет, кроме того, что и здесь и там в основе субъектной организации знаний мы обнаруживаем тезаурусные первоэлементы. Они, по сути, применимы к любому содержанию и не связаны временными и пространственными характеристиками. А чем, собственно, связаны? Ценностным разделением мира на «свое», «чужое», «чуждое».

В некотором смысле это разделение похоже на то, которое в математической форме показал Луи Леон Тёрстоун, разрабатывая в конце 1920-х годов шкалу равнокажущихся интервалов при решении задачи измерения отношения к религии (Krus, Kennedy, 1977). Хотя задача была конкретной, а примененное Тёрстоуном средство предполагало замер реакции опрашиваемых на утверждения относительно их религиозных взглядов, придание числового значения этим реакциям дало возможность применять саму разработанную шкалу из 11 пунктов к измерению реакций на разные вопросы, где сначала строится при помощи экспертов такая шкала, а потом она используется для фиксации мнения тех, кто подлежит исследованию, чье мнение заранее неизвестно и замеряется, исходя из цели исследования. Это становится возможным именно потому, что интервалы показаны как равнокажущиеся, т. е. связаны с переводом ценностной информации субъекта в числовую (объективную) форму. Первый из разработанных и примененных в социологии и психологии формальный метод измерения отношения сопоставим с триадой первоэлементов тезауруса «свое-чужое-чуждое», поскольку в ней, в этой триаде, в самой общей форме представлено отношение субъекта к любой части действительности, имеющей для него ориентирующее значение.

Из этого наблюдения следует, в частности, то, что кажущийся далеким от точных измерений тезаурус может быть переведен в формальные показатели при ясности целей исследования. Это относится и к области культуры, изучаемой философией и социологией культуры, культурологией к другими социальными и гуманитарными науками. Вл. А. Луков обозначил различие между объектной и субъектной культурологией, показав, что всякое обозначение культуры как всемирной в конечном счете опирается на принятые тезаурусы, отдающие предпочтения культуре отдельных народов и стран, признающих великими именами одних, оставляя для других культур и их носителей и выразителей довольно скромное место или не выделяя их совсем (Луков, 2008). Иначе культура превращается в строгий и бесцветный перечень людей

и событий без ценностного основания и без ориентации в действительности, которая приходит вслед за культурными картинами мира. Они столь же множественны, сколь и носители тезаурусов, они могут быть неверными, ложными в логическом смысле и в смысле гносеологии, фантастическими, но они выступают ориентирующим в окружающей среде средством для определенных людей и их групп и бесспорны с их точки зрения, пока успешно выполняют эту ориентирующую функцию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общезнакомые и общенаучные концепции и методы исследования нередко формируются как бы помимо воли их авторов, стремившихся решить конкретную задачу в своей области или в увиденном событии рассмотреть то, что по их представлению вытекало из их профессионального знания. В. И. Вернадский в громах Великой Отечественной войны увидел приближающуюся эпоху, когда человечество становится геологической силой, и профессия геолога определяла его выводы, в том числе и о ноосфере. П. К. Анохин формулировал теорию функциональных систем, а К. В. Судаков продолжал его дело, исходя из нормальной физиологии и своих исследований в этой области. А. А. Зиновьев, выдающийся логик, в силу особенностей своей судьбы построил не похожую на другие социологические теории логическую социологию. Тезаурусный подход в версии Вл. А. Лукова прежде всего шел от филологии, от того, как в переходную эпоху формировался предромантизм, а много позже — неоромантизм, почему так, а не иначе сложились биографии Руссо и Ростана, Гюго и Уайльда. Но, как и в движении от геологии, физиологии, медицины и т. д. к общезнакомым и общенаучным концепциям, тезаурусный подход перерос свой источник и признаваем сегодня именно как методология целого сонма социальных и гуманитарных наук.

Применимость тезаурусного подхода в этом качестве определяется тем, что новые технологии информации и коммуникации, изменения мелкой моторики человека уже сейчас, а впереди и выход человека за свою природу, появление Интернета, а за ним и практик селфи, блогосферы и прочего, что изменило культурные коды, поддерживавшиеся веками, потребовало новых объяснений и нового понимания Происходящего. Тезаурусный подход не усложнил это понимание, а — подобно «бритве Оккама» — упростил его, в чем и видятся перспективы расширения практик приложения тезаурусного подхода в версии Вл. А. Лукова к философии и социологии культуры, культурологии и к другим социальным и гуманитарным наукам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995) Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания : пер. с англ. М. : Медиум. 323 с.
- Луков, Вл. А. (2008) Культурология объектная и субъектная // Знание. Понимание. Умение. №1. С. 72–79.
- Луков, Вл. А. (2018) Европейская культура в русском тезаурусе: Энциклопедические очерки : в 3 т. / под общ. ред. В. А. Лукова. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. Т. 3. 544 с.
- Мировая культура в русском тезаурусе (2015): I Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова, 27 марта 2015 г. : сб. науч. трудов / редкол.: Вал. А. Луков (отв. ред.), Н. В. Захаров, Т. Ф. Кузнецова и др. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 280 с.
- Тезаурусы и тезаурусная сфера (2017): II Академические чтения памяти Владимира Андреевича Лукова, 29 марта 2017 г. : сб. науч. трудов / редкол.: Вал. А. Луков (отв. ред.), Н. В. Захаров, Т. Ф. Кузнецова, Ч. К. Ламажаа, В. П. Трыков. М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та. 256 с.

- Терентьева, Т. А. (2018) Метод прояснения в феноменологии Э. Гуссерля // Манускрипт. №11. Ч. 1. С. 114–118.
- Goldzink, J. (2001) *Montesquieu et les passions*. Paris : Presses universitaires de France. 127 p.
- Grosrichard, A. (1979) *Structure du sérial: la fiction du despotisme asiatique dans l'Occident classique*. Paris : Seuil. 238 p.
- Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaft. Husserliana IV* / hrsg. von M. Biemel. Den Haag : Martinus Nijhoff. 165 s.
- Krus, D. J., Kennedy, P. H. (1977) Normal scaling of dominance matrices: The domain-referenced model // *Educational and Psychological Measurement*. №37. P. 189–193.
- Lyer, R. (2019) *The Political Economy of Cyberspace Crime and Security* [Электронный ресурс]// academia.edu. URL: https://www.academia.edu/38562456/The_Political_Economy_of_Cyberspace_Crime_and_Security (дата обращения: 11.03.2019).
- Maloney, L. (2019) *Cyber Warfare: Competing National Perspectives* [Электронный ресурс]// *Modern diplomacy*. URL: <https://modern diplomacy.eu/2019/03/11/cyber-warfare-competing-national-perspectives/> (дата обращения: 11.03.2019).
- Martin, Ch. (éd.) (2013) *Les Lettres persanes de Montesquieu*. Paris-Sorbonne : PUPS. 300 p.
- Schneider, J. P. (2000) *Les Jeux du sens dans les Lettres persanes: temps du roman et temps de l'histoire* // *Revue Montesquieu*. №4. P. 127–159.
- Stewart, Ph. (éd.) (2013) *Les «Lettres persanes» en leur temps*. Paris : Classiques Garnier. 250 p.
- Wójtowicz, T., Król, D. (2018) *Multi-Domain Battle. New Doctrine of The United States Armed Forces* // *Zeszyty Naukowe Aszwoj*. №3(112). P. 64–78.

Дата поступления: 05.04.2019 г.

*APPLICABILITY OF THE THESAURUS APPROACH IN THE PHILOSOPHY
AND SOCIOLOGY OF CULTURE, CULTUROLOGY AND OTHER SOCIAL
AND HUMANITARIAN SCIENCES*

V. A. LUKOV

MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

The paper is based on the author's report at the all-Russian (national) conference "Third Academic Readings in Memory of Vl. A. Lukov "Thesauri and the Issues of Culture" (April 2019). It shows the applications of the thesaurus approach in the contemporary humanitarian knowledge based on the centerpieces of the thesauri that constitute the concepts of "own", "alien", and "foreign", and on the cultural world pictures. In this aspect, thesauri act as cultural phenomena.

The cultural role of thesauri becomes closely connected to the day-to-day practice of communication and activities of an enormous number of social subjects at different levels and having different intellectual potential, many of whom have a very basic idea of the true and false, but it is sufficient for their successful orientation in reality. With this in mind, the thesaurus theory is constructed according to Vl. A. Lukov. The centerpieces of the thesaurus "own", "alien", "foreign" act as social and cultural boundaries, cultural delimiters most common for people and nations, and at the same time, they are independent of spatial-temporal realia.

The author argues that a thesaurus can be transformed into formal indices provided the clearance of the research aims; for this reason, he draws an analogy with the Thurstone scale.

The thesaurus approach, according to Vl. A. Lukov, has overgrown its source and today it is applied as a general scientific methodology since new information and communication technologies and other transformations of reality have changed centuries-old cultural codes, calling for new explanations and new understanding of the Current. The thesaurus approach has not complicated this understanding but, like Occam's razor, simplified it, which outlines the prospects of broadening practices of the thesaurus approach application in the philosophy and sociology of culture, culturology, and other social and humanitarian sciences.

Keywords: thesaurus; thesaurus approach; philosophy of culture; sociology of culture; culturology; subject culturology; Vl. A. Lukov

REFERENCES

Berger, P. and Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti: Traktat po sotsiologii znaniia* : transl. from Engl. Moscow, Medium. 323 p. (In Russ.).

Lukov, Vl. A. (2008) Kul'turologiia ob'ektnaia i sub'ektnaia. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 1, pp. 72–79. (In Russ.).

Lukov, Vl. A. (2018) *Evropeiskaia kul'tura v russkom tezauruse: Entsiklopedicheskie ocherki* : in 3 vol. / ed. by V. A. Lukov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. Vol. 3. 544 p. (In Russ.).

Mirovaia kul'tura v russkom tezauruse (2015): I Akademicheskie chteniia pamiati Vladimira Andreevicha Lukova, 27 marta 2015 g. : sb. nauch. trudov / editorial board: Val. A. Lukov (ed.), N. V. Zakharov, T. F. Kuznetsova et al. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 280 p. (In Russ.).

Tezaurusy i tezaurusnaia sfera (2017): II Akademicheskie chteniia pamiati Vladimira Andreevicha Lukova, 29 marta 2017 g. : sb. nauch. trudov / editorial board: Val. A. Lukov (ed.), N. V. Zakharov, T. F. Kuznetsova, Ch. K. Lamazhaa and V. P. Trykov. Moscow, Izd-vo Mosk. gumanit. un-ta. 256 p. (In Russ.).

Terent'eva, T. A. (2018) Metod proiasneniia v fenomenologii E. Gusserlia. *Manuskript*, no. 11, vol. 1, pp. 114–118. (In Russ.).

Goldzink, J. (2001) *Montesquieu et les passions*. Paris, Presses universitaires de France. 127 p.

Grosrichard, A. (1979) *Structure du sérail: la fiction du despotisme asiatique dans l'Occident classique*. Paris, Seuil. 238 p.

Husserl, E. (1952) *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und phänomenologischen Philosophie. Drittes Buch: Die Phänomenologie und die Fundamente der Wissenschaft. Husserliana IV* / hrsg. von M. Biemel. Den Haag, Martinus Nijhoff. 165 s.

Krus, D. J. and Kennedy, P. H. (1977) Normal scaling of dominance matrices: The domain-referenced model. *Educational and Psychological Measurement*, no. 37, pp. 189–193.

Lyer, R. (2019) The Political Economy of Cyberspace Crime and Security. *Academia.edu* [online] Available at: https://www.academia.edu/38562456/The_Political_Economy_of_Cyberspace_Crime_and_Security (access date: 11.03.2019).

Maloney, L. (2019) Cyber Warfare: Competing National Perspectives. Modern diplomacy [online] Available at: <https://modern diplomacy.eu/2019/03/11/cyber-warfare-competing-national-perspectives/> (access date: 11.03.2019).

Martin, Ch. (éd.) (2013) *Les Lettres persanes de Montesquieu*. Paris-Sorbonne, PUPS. 300 p.

Schneider, J. P. (2000) Les Jeux du sens dans les Lettres persanes: temps du roman et temps de l'histoire. *Revue Montesquieu*, no. 4, pp. 127–159.

Stewart, Ph. (éd.) (2013) *Les «Lettres persanes» en leur temps*. Paris, Classiques Garnier. 250 p.

Wójtowicz, T. and Król, D. (2018) Multi-Domain Battle. New Doctrine of The United States Armed Forces. *Zeszyty Naukowe Aszwoj*, no. 3(112), pp. 64–78.

Submission date: 05.04.2019.

Луков Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, директор Центра социального проектирования и тезаурусных концепций Института фундаментальных и прикладных исследований Московского гуманитарного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-75-95. Эл. адрес: v-lukov@list.ru

Lukov Valeriy Andreyevich, Doctor of Philosophy, Professor, Director, Centre for Social Planning and Thesaurus Conceptions, Institute of Fundamental and Applied Studies, Moscow University for the Humanities; Honoured Scientist of the Russian Federation. Postal address: 5, Yunosti St., Moscow, Russian Federation, 111395. Tel.: +7 (499) 374-75-95. E-mail: v-lukov@list.ru